

Добравшись до Большого театра, Гу Цин торопливо выбрался из машины. Раскрыв зонт, он быстрым шагом направился к входу. Полы его пальто развевались на ветру, а пальцы, окоченевшие от холода, почти потеряли чувствительность, но внутри всё пылало.

Там, под козырьком здания, он заметил две знакомые фигуры: Мэй Цзибая и Ян Фаня.

Те тоже увидели приближающегося мужчину. Ян Фань едва заметно изменился в лице — он удивился, хотя и тщательно скрывал пренебрежение и неприязнь. Мэй Цзибай, напротив, посмотрел на него теплее, едва уловимо усмехнувшись.

Гу Цин подошёл к ним и, захлопнув зонт, остановился прямо перед мужчинами. Полностью игнорируя Ян Фаня, он во все глаза уставился на Мэй Цзибая. Набрав в грудь побольше воздуха, решил не тянуть и выпалил всё как на духу:

— Ты мне нравишься! И это не просто восхищение. Я из тех, кто хочет прожить с тобой всю оставшуюся жизнь!

От такого внезапного признания Ян Фань застыл с вежливой, чисто протокольной улыбкой. Совсем недавно этот парень убеждал его, что их брак — лишь фикция, которая со временем перерастёт в нечто большее, а сегодня он прибегает сюда и признаётся в любви прямо у него на глазах? Что он себе позволяет?

Но разве Мэй Цзибай мог ответить согласием?

Пусть его отношения с тем «подонком» не афишировались, слухов ходило предостаточно. В деловых кругах все знали: господин Мэй был глубоко ранен, но так и не смог забыть ту привязанность. Если он не смог полюбить никого из достойных претендентов, то уж точно не обратит внимания на легкомысленного и распутного повесу.

Дождь за стенами театра не утихал. Ветер приносил промозглую сырость, мелкая водяная пыль осела на волосах Гу Цина. Он побледнел от холода, и лишь янтарные глаза в этот пасмурный зимний день оставались единственным источником тёплого, живого света.

Мэй Цзибай поднял руку и ласково поправил выбившуюся прядь на лбу Гу Цина. Голос его звучал мягко:

— Я уже говорил тебе: у меня есть человек, которого я люблю. Ты и сам это знаешь.

Для обоих слушателей эти слова прозвучали как окончательный отказ. Ян Фань поспешил вмешаться первым:

— Цзибай и так проявлял к тебе излишнюю заботу, даже потакал твоим капризам. Гу Цин, не ставь его в неловкое положение. Тебе всё ясно дали понять. Ты уже не ребёнок, пора бы вести

себя благоразумнее.

Гу Цин перевёл взгляд на Ян Фаня. Его пыл поулег, сменившись колючей резкостью.

— Я разговариваю с ним. Благоразумные люди не перебивают других, — отрезал он.

Мэй Цзибай опустил руку и внимательно посмотрел в глаза Гу Цину. Он слабо улыбнулся.

— Я очень люблю его, хотя так и не дождался ответного признания. Гу Цин, будь на твоём месте он... я бы, конечно, согласился. Только ему я не в силах отказать. Ему не нужно ничего делать — достаточно просто быть рядом, и я с радостью отдам ему всё, что имею.

Слушая это, Гу Цин нахмурился. На душе стало одновременно горько и тепло. Сердце предательски дрогнуло. «Но как я могу признаться?» — пронеслось в голове.

Мэй Цзибай смотрел сосредоточенно и искренне, с такой нежностью, что на мгновение Гу Цин едва не сдался. Слова о том, что он и есть Юй Цзиньянь, уже готовы были сорваться с языка.

Но он не мог.

Семьи Юй и Мэй были подобны минам замедленного действия — неизвестно, когда и при каких обстоятельствах они сдетонируют.

Он поджал губы, но не отступил:

— Я знаю, что ты любишь другого. Я просто хотел сказать... что люблю тебя. И хочу за тобой ухаживать. Мне нужен лишь шанс. Просто не избегай меня намеренно... и этого будет достаточно.

Ему нужно было только, чтобы Мэй Цзибай не отталкивал его, не пресекал попытки сблизиться. Раз окружающие твердят, что президент Мэй относится к нему иначе, чем к остальным, значит, это не пустые слова? Быть может, у него и впрямь есть право на попытку?

— Ты занимаешься бесполезным делом, — ровным тоном произнёс Мэй Цзибай.

На Гу Цина словно вылили ушат ледяной воды — даже холодный ветер и дождь не казались теперь такими колючими. Это был окончательный провал.

Оба замолчали. Стоявший рядом Ян Фань усмехнулся:

— Уже поздно, да и холодно тут стоять. Цзибай, ты ведь обещал подбросить меня до дома?

Пойдём. Молодой господин Гу, должно быть, просто... погорячился. Ему не помешает остыть и всё обдумать.

Мэй Цзибай, казалось, вовсе не слышал слов друга. Он продолжал смотреть на Гу Цина.

Скрытые насмешки Ян Фаня вызывали у Гу Цина лишь раздражение, особенно когда он услышал, что Мэй Цзибай собирается его подвезти.

Он бросил быстрый взгляд на стоящего неподалёку Сюэ Минтао. Гнев закипал в нём всё сильнее. «И что означает это молчание? Ждёшь, когда я признаю поражение и позорно сбегу?»

«Ну уж нет. Ни за что».

Он впился взглядом в Мэй Цзибая.

— Я не сдамся. За все эти годы ты единственный, кого я полюбил. Это не мимолётная прихоть, я серьёзен. Не веришь — что ж, поживём — увидим.

С этими словами он всучил свой зонт Мэй Цзибаю, одарил Ян Фаня гневным взглядом и добавил, обращаясь к президенту:

— Брат Сюэ принёс только два зонта. Этот бери себе. И не смей ни с кем под ним ходить. У него что, рук нет? Пусть сам себе держит.

Мэй Цзибай всегда был безупречно вежлив и к тому же выше Ян Фаня ростом — он ни за что не позволил бы тому держать зонт над ними обоими. Одна мысль о том, что эти двое будут идти плечом к плечу, вызывала у Гу Цина приступ неконтролируемой ревности.

Сделав это, он развернулся и зашагал прочь. Он не мог больше на это смотреть: Мэй Цзибай и Ян Фань вместе... Даже если он знал, что Цзибай не испытывает к скрипачу чувств, со стороны Ян Фаня всё выглядело иначе.

Мэй Цзибай смотрел вслед уходящему в пелену дождя Гу Цину. Парень буквально излучал ярость всем своим видом, но в этом была жизнь.

Президент тихо рассмеялся, и в конце этого смеха послышался едва уловимый вздох. Этот человек был упрямее всех, кого он знал: если он что-то вбил себе в голову, то уже не отступит. Разве что... вмешаются непредвиденные обстоятельства, способные переломить ситуацию.

Однако услышать это «люблю» было для него бесценно. Если его догадка верна, оставалось лишь получить последнее подтверждение.

Зимний дождь всегда кажется холоднее обычного. Гу Цин был мрачнее грозовой тучи. Он был так разгневан, что готов был сорваться на крик. Быстрым шагом он шёл к машине, совершенно не заботясь о том, что одежда уже промокла насквозь.

Внезапно чья-то тёплая рука перехватила его за запястье, и он оказался в крепких объятиях. От неожиданности он замер. Дождь над головой прекратился. Знакомое ощущение... это был Мэй Цзибай.

Гу Цин поднял голову и словно утонул в его взгляде — он не был холодным, в нём светилось странное, почти осязаемое тепло.

Он не успел вставить ни слова: Мэй Цзибай обнял его за плечи, довёл до машины и буквально усадил на переднее сиденье. Президент сложил зонт, сел на место водителя, а Гу Цин всё никак не мог прийти в себя.

Наконец к нему вернулся дар речи, и тон его был весьма резким:

— Да, я не смыслю в классической музыке, у меня нет с тобой общих тем, как у него, доволен?! Я едва во всём разобрался, прилетел сюда на всех парах, а ты мало того что отказал, так ещё и встал на его сторону! Позволил ему издеваться надо мной! Ладно, пусть так, я влюбился первым — считай, ты победил, я признаю. Ты же собирался отвезти его домой? Так какого чёрта ты здесь делаешь?!

— Цзиньнянь тоже ничего не смыслил в классике. Не любил её и точно так же, как ты, считал лучшим снотворным.

Спокойный тон Мэй Цзибая заставил Гу Цина поперхнуться словами. Он припоминал, что при жизни пытался притворяться ценителем, ведь ему нужно было угождать партнёру. Приходилось терпеть скуку и делать вид, что наслаждается музыкой... Неужели он засыпал прямо на концертах, а сам об этом не помнил?

Вряд ли Мэй Цзибай стал бы так шутить над покойным Юй Цзиньнянем.

Однако развивать эту тему президент не стал. Он достал полотенце, набросил его на голову Гу Цина, завёл мотор и включил обогрев. Видя, что парень сидит неподвижно, он сам принялся вытирать капли дождя с его лица.

— Вытри волосы и сними мокрое пальто. Простудишься.

Гу Цин, лицо которого скрылось под полотенцем, перехватил руку Мэй Цзибая.

— Сначала ответь: что это значит? Ты так легко меняешь решения? Ян Фань, небось, места себе не находит от горя.

— Тебе мешает полотенце? Сначала сними верхнюю одежду.

Понимая, что Мэй Цзибай не отступит, Гу Цин медленно стянул пальто и бросил его на заднее сиденье. Продолжая растирать влажные волосы, он напомним:

— Теперь-то скажешь?

В этом упрямстве он сейчас до боли напоминал обиженного подростка, который никак не хочет признавать поражение.

Мэй Цзибай набросил на плечи Гу Цина плед и плавно нажал на педаль газа.

— Его машина в ремонте. Я предложил подвезти его исключительно из вежливости, но я не обещал, что сделаю это лично. Минтао вполне справится с этой задачей.

Гу Цин замер, кутаясь в плед. Увидев в зеркале заднего вида машину, следующую за ними, он обернулся к водителю:

— Ты решил это ещё тогда, когда я только пришёл?

Мэй Цзибай мельком взглянул на него:

— Точнее будет сказать — после того, как ты произнёс «люблю». У тебя нет опыта в таких делах, и первое признание заслуживает того, чтобы его защитили. По сравнению с ним, за тебя я беспокоюсь куда больше. Не делай глупостей назло самому себе, ты ведь можешь пострадать. Дождь ледяной, неужели не боишься заболеть?

— Не такой уж я и хлюпик, чтобы слечь от пары капель.

Мэй Цзибай промолчал. Несмотря на отличную шумоизоляцию салона, было слышно, как тяжелые капли барабанят по крыше. Ливень набирал силу.

В машине воцарилась тишина, нарушаемая лишь мягким гулом печки. Гу Цин чувствовал себя неловко. Вспомнив решительный отказ Цзибая, он не решался заговорить. Ничего, времени впереди много. Вода и камень точит. Он не верил, что не сможет добиться за десятикратный срок того, что Юй Цзиньнянь получил без малейших усилий.

Спустя долгое время Мэй Цзибай негромко заговорил:

— Мы с Ян Фанем просто друзья, и отношения наши весьма поверхностны. Он выдающийся скрипач, один из лучших в стране, да и на мировой сцене имеет вес. В музыке у нас

действительно есть точки соприкосновения, но он вовсе не единственный, с кем я могу общаться на эти темы.

Он сделал небольшую паузу.

— Если бы мой любимый человек возражал против нашего общения, я бы без раздумий отдался. Ян Фаню не сравнить с моим... любимым. Мне не нужно вызывать в ком-то ревность, чтобы подтверждать свои чувства.

«Значит, всё-таки только Юй Цзиньнянь?»

Гу Цин согрелся, и его гнев постепенно утих. Он искоса взглянул на Мэй Цзибая:

— Хочешь сказать, у меня нет шансов? Я понимаю, что сейчас мне нечего тебе предъявить, но я буду стараться.

— Я уже сказал: я не смогу полюбить никого другого. Все чувства, на которые я способен, я уже отдал ему. Для других ничего не осталось.

Слушать такое «признание» в свой собственный адрес было... странно. Ощущение было весьма двусмысленным.

— Что ж, тогда давай проверим, — в голосе Гу Цина послышался вызов.

Пусть задача усложнилась в разы, он обязан попробовать. И главное — выяснить, причастен ли Мэй Гуанци к бедам семьи Юй. Если нет, то все преграды рухнут сами собой.

Мэй Цзибай замолчал. Когда машина въехала в гараж, Гу Цин попытался открыть дверь, но та оказалась заблокирована. Он недоуменно обернулся.

— Раз уж ты хочешь попробовать, Гу Цин... я буду ждать твоих доказательств. Возможности не падают с неба, их нужно добиваться.

Гу Цин воодушевился. Значит, шанс всё-таки есть!

— Конечно! Я всё понимаю. Готовься, я иду в атаку!

Мэй Цзибай лишь снисходительно улыбнулся. Гу Цин не выказывал печали, но президент слишком хорошо знал его по малейшему движению бровей или искорке в глазах.

Сбросив плед, Гу Цин подхватил пальто и выскочил из машины. Настроение было

превосходным. Предостережение Цзибая о том, чтобы он поплотнее закутался, пролетело мимо ушей. «Ну какой сквозняк в гараже? Я что, маленький, своим телом распорядиться не могу?»»

Однако расплата наступила пугающе быстро.

Несмотря на то, что Мэй Цзибай заставил его выпить обжигающий согревающий отвар и принять горячую ванну, утром Гу Цин не смог подняться с постели. Простуды не было, но лихорадка скрутила его не на шутку — температура перевалила за тридцать девять.

Тело ломило, мышцы ныли, голова шла кругом, а каждый вдох давался с трудом. Его буквально сжигал жар.

Проглотив лекарство, он зарылся в одеяло и провалился в тяжелый, тревожный сон. Ему виделось прошлое, обрывки прежней жизни не давали покоя.

Мэй Цзибай, сидевший у постели, помрачнел, услышав, как Гу Цин в бреду едва слышно позвал:

— Мама...

Он давно искал подходящий момент, чтобы получить окончательное подтверждение своим догадкам. И хотя болезнь Гу Цина была случайностью, это состояние полузабытья, когда человек совершенно беззащитен, было... идеальной возможностью.

<http://bllate.org/book/17544/1712401>